
НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ

ОТЗЫВ

ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации В.Н. Грекова «Коммуникативные особенности философской публицистики славянофилов (1830-1860 гг.)», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук (специальность 10.01.01 – русская литература)

Диссертация как бы посвящена коммуникативной проблематике, взаимодействию различных составляющих в философской публицистике славянофилов (взаимодействию внутри их круга и, особенно, с внешним миром). Но уже с первых страниц работы заметен значительно более широкий охват предметов и явлений: здесь связь и публицистики с художественным творчеством, и журналистики с филологией, и рации с интуицией и образностью, и общего смысла с подтекстом... А далее пойдут анализы главных коллективных изданий славянофилов, эпистемология, серия концептов, пространство и время, историософия рядом с философией. В этих разделах коммуникация – лишь часть общих штудий, хотя и весьма значительная. И слава Богу! Фактически В.Н. Греков представил нам самый современный обобщенный труд о старших русских славянофилах от Киреевского и Хомякова до Ивана Аксакова. Для докторской диссертации это более, чем достаточно.

Наиболее значительными главными новациями в предлагаемой диссертации являются

1) рассмотрение индивидуального своеобразия каждого из ведущих славянофилов и демонстрация общих черт славянофильского учения (здесь особенно важно рассмотрение коммуникации как между самими отдельными славянофилами, так и между славянофилами и представителями других групп);

2) анализ эволюции взглядов и суждений как отдельных славянофилов, так и всей социально-философской группы;

3) разработка архивных материалов; особенно существенно включение текстов цензурной рукописи запрещенного 2-го тома

«Московского сборника» 1852 г.; отрадно, что только что в академической серии «Литературные памятники» вышел в свет полный текст «Московского сборника» со включением всех цензурно запрещенных статей (СПб., «Наука», 2014); издание подготовлено и прокомментировано В.Н. Грековым.

Более частных новаций в предлагаемом труде очень много, отмечу лишь несколько:

неоднократно рассмотрено включение славянофилами мифов, преданий и вероятных возможностей в исторические концепции;

то же (неоднократно) – о десакрализации власти;

для И. Киреевского крайности западничества («Отечественные записки») и национализма («Маяк») сближаются и приравниваются друг к другу (с. 104-105);

Хомяков растревляет исторические раны, а К. Аксаков уклоняется от негативов (с.134);

для Хомякова «в истинной вере должен присутствовать разум» (с. 143);

у славянофилов нет центрального концепта, причина – «логический "полицентризм" славянофильства и его образная природа» (с. 191);

две значимые модели времени у славянофилов: «дух времени» и «время души» (с. 211-212);

противоположение А. Кошелёва и И. Аксакова в трактовке «человек и Бог» (с. 242);

«Поиски невыразимого в “русской идее” чаще всего не заканчивались на стадии апофатизма» (с. 267);

переход от народности к лженародности в современной славянофилам России (с. 308);

сакрализация и профанирование в русском языке (с. 345);

телеология исторической модели у Карамзина (с. 345);

черты «коллективного героя» в русском человеке у славянофилов (с. 346 и след.);

«Характер истории в публицистике славянофилов оказывается нелинейным» (с. 361).

Что касается замечаний, то их больше всего при анализе теоретических построений В.Н. Грекова.

Мне как нелюбителю заграничных терминов при наличии русских аналогов вначале резали слух и зрение «коммуникация», «матрица», «концепт». Но понимал, что это не личная прихоть диссертанта, ныне это общий признак эпохи. Мне пришлось пережить такую эпоху в предвоенном детстве, когда весь футбольный комплекс понятий был английский (хавбек, голкипер, корнер и т.д.). Сейчас, слава Богу, осталось только пенальти, да и то чаще говорят «одиннадцатиметровый». То же было в авиации – аэроплан, вертолет, гайдроп и т.д. Надеюсь, что придет время, и коммуникация превратится в связь и взаимосвязь, а концепт – в понятие. Впрочем В.Н. Греков выделяет (см. с. 52) и одностороннюю коммуникацию (монолог или обоюдное непонимание) – впрочем какая же это коммуникация?! Ее придется обозначать как «нулевая связь» (своеобразный вариант лотмановского «минус-приема»). И концепт В.Н. Греков расширяет, вслед Ю. Степанову, до пучка понятий, включая сюда образность и переживания (с. 175).

Общая формулировка коммуникативности в диссертации вызывает скепсис: «... коммуникативное пространство мы не приравниваем ни к пространству текста, ни к пространству смысла или образа, ни к пространству масс-медиа. Коммуникативное пространство стремится к замкнутости, к автоматическому, стереотипному восприятию. Напомним, что Н. Луман также считает коммуникацию замкнутой системой, иррациональной и не имеющей никакой цели» (с. 47). Ниже, правда, говорится о противоположных чертах: о деавтоматизации и «стремлении к открытости» (с. 48). Но все-таки «замкнутая коммуникация» для меня – чистый оксюморон! Если замкнутость, то это отказ от связи, от общения. И очень удивляет бесцельность. Ведь чуть ниже будет идти речь о совершенно противоположном. Будет раскрыто понятие идеологемы: она «интерпретируется как целенаправленное воздействие публициста на аудиторию через систему идей» (с. 57). Резонно и перспективно. Не представляю умственную систему славянофилов бесцельной.

Нечетко обозначены в диссертации виды матриц. Вначале определяются два вида матриц: *институциональные* («жестко связанные системы») «базовых государственных институтов

общества») и *коммуникационные*, которых называется три типа: вертикальные, горизонтальные и гибридные (с. 54). «Вертикальная модель предполагает жесткое вертикальное подчинение субъектов коммуникации. Государство доминирует и контролирует коммуникативные процессы» (с. 54). Но ведь выше эти черты определяли институциональную матрицу?! Следовательно, вертикальная коммуникационная модель то же самое, что институциональная? Но зачем тогда эта институциональная? В автореферате диссертации неожиданно всплывает еще одно качество матрицы: «общность полей социального окружения» (Автореферат, с. 17). А что это такое?

Другое теоретическое замечание оппонента касается «бинарности мышления» славянофилов, заявленной в конце 1-ой главы (с. 162) и подробно раскрываемой в 3-й главе: архетипы славянофилов «вырастают из бинарных оппозиций, присущих древнему обществу, таких, как *свое/чужое, известное/неизвестное, сакральное/профанное, материальное/духовное, прошлое/настоящее* и т.п.» (с. 365).

Несомненно, бинарность мышления, возникшая, видимо, на самой заре появления в природе homo sapiens'a, к эпохе славянофилов заняла ведущее место в философских и социально-психологических построениях думающих людей, но, уходя тоже в глубокое прошлое, неуклонно развивалась и более сложная система – триадичность, которая заняла у славянофилов не менее центральное место. Ведь почти вся диссертация В.Н. Грекова наполнена триадами! Вот только несколько наиболее заметных:

Вера у славянофилов имеет три значения: древняя вера, естественная религия и мифология, духовное, высшее знание (с. 234-235).

В выводах 2-й главы: в основе славянофильских построений – образ, который переходит в логическое понятие, а затем – в новый образный уровень (с. 268).

«От формулы К. Аксакова "земля" и "государство" славянофилы переходят к трехзвенной структуре народности или народного мира. И. Аксаков вслед за Лешковым предлагает такую модель русского мира: народ – общество – государство» (с. 303).

И. Аксаков о русском обществе: «прошло три фазиса лжи» (с. 305): сменило национальную одежду на европейскую, оставаясь русским; европеизм; лженародность, «маскарад».

«Право, нравственные критерии (представление о справедливости) и осознанная воля народа – таковы три элемента “философии права” славянофилов» (с. 326).

«Карамзин классифицировал любовь к отечеству: любовь физическая, моральная и политическая. Соответственно и теория национальной самобытности включала в себя те же три элемента» (с. 355).

У славянофилов: «В истории выделялись аспекты философские, религиозные, мифологические» (с. 358).

Следовало бы рассмотреть роль триад и сложные соотношения бинарностей и триад в концепциях славянофилах.

Из более частных недочетов хочется отметить некоторую расплывчатость в трактовке уже упомянутых вертикалей. Выше уже отмечено, что В.Н. Греков ввел понятие вертикальной коммуникации, где господствуют государственные институты («Государство доминирует и контролирует коммуникативные процессы», с. 54). Но при конкретных анализах диссертанта вертикаль может строиться и вне категорий государства и власти. Например, про журнал «Европеец» сказано так: «Заданность направления определила и вертикальный, иерархический характер коммуникации» (с. 99). Но если «государственная» вертикаль располагает элементы иерархии сверху вниз, т.е. от высшего начала к подчиненному внизу, то вертикаль у славянофилов оказывается как бы обратной, ведущей путь снизу вверх!

Правда, В.Н. Греков прямо не заявляет об обратном ходе: «В коммуникационной матрице публицистики славянофилов концепты как логические элементы подчиняются образному началу. Текст обычно построен по иерархическому, вертикальному принципу. Эта вертикаль завершается категорией невыразимого, которая, по определению, неизяснима и недоступна сознанию. Ее можно постигнуть лишь в религиозном созерцании, в чувственном единстве с миром духовным» (с. 187). Из этого объяснения неясно, завершается вертикаль вверх или вниз. Но далее диссертант прямо

говорит, что невыразимое – не подошва, а вершина! «Вывдвигая на первый план «невыразимое», «мистическое», как вершину познания, Киреевский раскрывает самую суть своей теории» (с. 188). Речь, таким образом, идет о пути вверх – к высшему знанию, к невыразимому, к божественному. Получается, что «государственная» вертикаль устанавливает путь иерархического вектора сверху вниз (при этом все сильнее подавляя низшее, сильнее проявляя деспотизм), а славянофилы переворачивают его стрелу, она направляется снизу вверх, и путь становится позитивным: путь к высшему, к божественному. Создается замечательный перевертыш!

В.Н. Греков очень хорошо показал концепцию «обратного прогресса» у И. Аксакова, который испытал влияние Чаадаева, подчеркивавшего исключительное положение России в истории человечества (но Чаадаев вел речь лишь про неподвижность, а Аксаков показал «обратный прогресс»). Этот яркий перевертыш, отмеченный диссертантом, оказывается, имеет аналог и у самого исследователя, да еще не в негативном, а в позитивном ореоле! Замечу, что перевертыши становятся еще и характерным признаком постмодернистской эпохи в мировом искусстве. Недавно читал, что в Петербурге построили квартиру с полом на потолке и с потолком на полу, а в Москве даже целый перевернутый дом.

К автору труда, насыщенного фактами, материалами, выводами, трудно прилагать упрек в недоработке, но все же очень хочется заметить одну существенную тему: о концептах РАЗУМ и РАССУДОК, которые вначале выглядят в диссертации даже слитно, как один концепт (см. с. 181), однако далее автор подробно их разграничивает, привлекая немецкую философию (см. с. 194-199). Но как было бы важно подключить сюда и УМ. Он занимает видное место в творчестве славянофилов. У меня нет словарей их прозы, но есть словарь поэзии Хомякова, в стихах которого *разум* употреблен 3 раза, а *ум* – 11. И хорошо бы учесть дотошную немецкую книгу: Rolf Lettmann. Die Abstracta “um” und “razum” bei Belinskij (München, 1971). В заглавие вынесены только *ум* и *разум*, но автор включает и *рассудок*, обстоятельно демонстрируя именно треугольник понятий у Белинского. Очень интересно было бы сопоставить объяснения Леттманна с концептами славянофилов.

Должен заметить, что В.Н. Греков представил громаднейший список книг и статей по его теме. Хорошо, что особо представлен большой список диссертаций и авторефератов. Я смог в списке трудов найти лишь один небольшой пробел: *Л.Е. Шапошников. Идеология славянофильства и современное православие* (М., «Знание», 1985).

Диссертация написана хорошим научным литературным стилем, но есть у меня по отношению к семантике одно замечание. XX век принес в литературу и искусство новый структурный принцип. Я его называю пунктирностью: в художественной литературе, в живописи, в музыке создатели нарочито отказываются от цельности изображения, показывая лишь самое главное, а между этими элементами зияют провалы, которые искусленный читатель-зритель-слушатель должен творчески восстановить. Увы, у В.Н. Грекова встречаются такие пунктиры, т.е. части текста, где есть смысловые зияния. Вероятно, автор рассчитывал на знающего читателя, который их заполнит. Ряд зияний я заполнил, но при некоторых оказался бессилён. Вот часть примеров, когда я не смог расшифровать смысловую связь между частями (зияния обозначаю знаком вопроса в косых скобках):

«И. Аксаков определит общество как народ самосознающий. Хомяков принимает эту же мысль, говоря об искусстве... /?/ Следовательно, "художественность" отражает не только эстетические, но и исторические потребности народа. /?/ Так с проблемой народности связывается мотив забвения, исторической амнезии. /?/ "Художественность" – артистизм, способность к творчеству, к эвристическому познанию мира, интуитивизм» (с. 286).

Мысли Киреевского: «В середине XVIII века история изменила свой характер, оторвалась от античного наследия. /?/ Фактически это означало, что современная культура построена на противопоставлении революции и контрреволюции» (с. 366).

Отмечу в конце, что автореферат диссертации хорошо излагает главные положения этой работы.

Общий вывод оппонента: труд В.Н. Грекова вполне отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям по

литературоведению, и автор вполне заслуживает присуждения ему
искомой степени доктора филологических наук.

Б.Ф. Егоров,
доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник-консультант
Санкт-Петербургского института истории РАН
22 апреля 2014 г.